

Станислав Стратиев

Не падай духом

Станислав Стратиев

Не падай духом

www.stanislavstratiev.org

Не падай духом

© Станислав Стратиев, 1982. Все права защищены.

© Aeolus Project, 2011. Все права защищены.

Перевод с болгарского Валентина Полянова.

Все права на текст пьесы защищены. Не допускается копирование, распространение, опубликование, публичное исполнение, перевод на иностранные языки, постановка спектакля по пьесе, или иное использование текста, без получения письменного разрешения праводержателей.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр Гемишев

Данчо – печальный снеговик

Пугало

Рагацца

Смородина – взвалившая на себя миссионерскую миссию среди дикарей, варваров и печенегов

Вьюнок – летописец событий, историк, журналист

Воробьи: Воробьяха-мать, Воробей-отец, Воробушек – их сын

Майский жук

Иванка Милева – божья коровка

Светлин – медвежонок

Сыроежка

Осень

Шоссейная дорога

1.

Зима. Все вокруг белым-бело. Слышно завывание вьюги, от снежной круговерти перехватывает дыхание, тело леденеет. Сквозь разгулявшуюся метель, с трудом преодолевая снежные заносы, бредут трое воробьев: Воробьяха-мать, Воробей-отец и их сынок Воробушек. Они несут на спинах узлы с домашним скарбом, кастрюли, небольшую печку-буржуйку, печные трубы.

В о р о б у ш е к. Я больше не могу! Перья мои промерзли до костей, промерзли кости и все, что под костями! *(Падает.)*

В о р о б е й. Не смей ложиться! Ляжешь – все, конец! Осталось немного, того и гляди подвернется какая-нибудь стреха.

В о р о б ь и х а *(в отчаянии)*. Как бы не так! Стреха! В этом поле, среди этих лесов? Мы с тобой хотя бы пожили, но наше дитя!

В о р о б е й. Не падай духом!

В о р о б ь и х а. Духом не упаду, а вот телом!.. Больше не выдерживаю! *(Падает.)*

В о р о б е й. Эта метель нас доконает! *(Расстерянно озирается.)* А кругом – ничего!.. *(Жене и сыну.)* Ну-ка вставайте, живо! Нечего валяться, это вам не пляж! Поднимайтесь, еще немного! Последние усилия!

В о р о б ь и х а. С самого утра – последние! Не могу больше!..

В о р о б е й *(озабоченно)*. У тебя такой вид, будто ты падаешь духом. Это нехорошо!

В о р о б ь и х а. Мне все равно какой у меня вид!

В о р о б е й. Не падай духом! Какой пример ты подаешь нашему сыну?! Ну же, вставай! Осталось немного! Совсем немного! Пошли, а то нас заметет! Еще чуть-чуть!

В о р о б ь и х а. Твой оптимизм сводит меня с ума! Из-за него мы попали в эту передрыгу!

В о р о б е й. Главное – не падать духом! Остальное утрясется. Айда!.. Вперед!..

Воробушек и Воробьяха с трудом встают и плетутся, еле передвигая ноги. Сквозь снежную завесу впереди вырисовывается силуэт Пугала. Для создания этого сооружения потребовались обломки досок, прутья, обрывки мешковины, листы жести, рваные половики, пучки соломы. Все это – пестрая смесь материалов и форм – приколачивалось, нашивалось, наклеивалось, и в результате образовалось некое подобие сюрреалистической скульптуры. Нечто, напоминающее ветряную мельницу, превращенную в жилой дом: есть веранда, дверь, через которую можно войти вовнутрь и т. д. Но по внешнему виду это пугало, одетое в старый шевиотовый пиджак. Наверху, там, где должна находиться голова, которой, однако,

нет, на длинном шесте красуется дамская шляпа с широкими полями, украшенная лиловой лентой и пучком птичьих перьев – спереди. Все это, разумеется, почти невозможно разглядеть из-за метели и снежных заносов.

В о р о б е й. Вот! Я же говорил! Видите? Стреха! (*Всматривается.*)

В о р о б у ш е к. Никакая не стреха, а страшилище! Мне страшно!

В о р о б ь и х а. Что это за чудище?

В о р о б е й. Самое обыкновенное пугало.

В о р о б ь и х а. Я не знаю, какими бывают необыкновенные, но это ужасное. Бежим! (*Прижимает к себе сына.*)

В о р о б е й. Не смейте бежать! Стойте!

В о р о б ь и х а. А ты не боишься?

В о р о б е й. Боюсь! Но больше боюсь, что мы замерзнем.

В о р о б ь и х а. Что же делать?

В о р о б е й. Главное – не падать духом.

В о р о б ь и х а. Ладно, не будем, но как нам быть? Меня пробирает дрожь, когда смотрю на него. Даже отсюда.

В о р о б е й. Если хочешь знать, у меня тоже душа в пятках! Но минут через пятнадцать нас заведет. А тогда бойся – не бойся, все одно!

В о р о б ь и х а. Не могу! Мне страшно!

В о р о б е й. Или будем бояться – или спасемся. Нельзя всю жизнь бояться. Пришло время решать. Или – или!

В о р о б ь и х а. Мы с тобой не орлы, мы – воробьи!

В о р о б е й. Воробьи – тоже птицы!

В о р о б у ш е к. Но маленькие!

В о р о б е й. Не имеет значения. О птице судят не по величине, а по душе!

В о р о б ь и х а. Которая у тебя в пятках!

В о р о б е й. Место не имеет значения.

В о р о б ь и х а. Я не сделаю ни шагу. (*Обнимает Воробушка.*)

В о р о б е й. Ну вот!.. Стоит пасть духом, и уже ничто не поможет.

(*Смотрит в сторону Пугала.*) Вот пугало. Оно создано, чтобы пугать.

А мы – чтобы пугаться. Так что же – так и будем бояться? Всю жизнь?!

В о р о б у ш е к. Да.

В о р о б е й. Ошибаешься! На этот раз мы не испугаемся. И посмотрим, что будет дальше.

В о р о б ь и х а. Мы уже напуганы.

В о р о б е й. Не все! Кое-кто не из пугливых.

В о р о б ь и х а (*с горечью*). Я что-то не вижу таких.

В о р о б е й. Сейчас увидишь. (*Затягивает покрепче веревки, которыми увязана печка-буржуйка, и решительно направляется к Пугалу.*)

В о р о б ь и х а. Стой! Ты куда? На верную смерть?! Подумай о ребенке!

В о р о б е й. Я как раз о нем думаю! (*Останавливается перед Пугалом.*)

П у г а л о. Стой! Куда разбежался?

В о р о б е й. Да вот... под стреху.

П у г а л о (*высовывается в окно*). Какая еще стреха? Не видишь разве: перед тобой Пугало! Ложись и помирай со страху.

В о р о б е й. Первый раз слышу, честное слово!

П у г а л о. Какое еще честное слово! Да кто ты такой, чтобы разбрасываться честными словами?!

В о р о б е й. Я птица.

П у г а л о (*смеется*). Ох, сейчас помру со смеху! Птица! Да все птицы, дорогой, давно улетели на юг. Живут там как на курорте, нежатся на пляжах. А ты вот согнулся в три погибели, тащишь на горбу эту печку и весь дрожишь. Какая же ты птица!

В о р о б е й. Я воробей.

П у г а л о. Ну, умора! Да разве воробей – птица! Стоит разок дунуть – и останется мокрое место! Какая же ты птица?!

В о р о б е й (*уверенно*). Птица.

П у г а л о (*насмешливо*). Если ты птица, то почему не на юге?

В о р о б е й. Потому что мы патриоты.

П у г а л о. Кто, кто?!

В о р о б е й. Патриоты. Кому не лень может нежиться на пляже. И страна остается без птиц. А попробуй пробыть всю зиму здесь. В холод. В метель. Когда нечего есть. И снегу по пояс. Вот тогда и станет ясно, что ты за птица. Да, в мае все – птицы. На кустах сирени!

П у г а л о. Ишь, какой наглый! И как нахохлился! А ну-ка проваливай отсюда! Тоже – патриот выискался! Всякий, у кого крылья куцые, корчит из себя патриота! Или кто труслив как заяц!

В о р о б е й. Это кто же труслив?! Мы – воробьи?!

П у г а л о. Нет, моя бабка! Разве я не вижу – у тебя душа в пятках.

В о р о б е й. Я ее там ношу. Для удобства!

П у г а л о. Давай катись отсюда! Кончится мое терпение – плакали твои пух и перья, будут лететь три дня и три ночи. Убирайся, пока цел!

В о р о б е й. А нельзя ли приютиться у тебя хоть ненадолго? Только обогреться...

П у г а л о. Чего-о-о?!

В о р о б е й. Обогреться.

П у г а л о. У меня?! Вам?! Да я вам головы поотрываю, я из вас котлет наделаю, перья развею куда хватает глаз! У меня?!..

В о р о б е й. С нами ребенок!

П у г а л о. Так вас трое! Давно я не отправлял на тот свет троих сразу. Как раз вспомню молодые годы, когда душил таких дюжинами. Эти перья, думаешь, откуда взялись?

В о р о б е й. Только пока утихнет вьюга.

П у г а л о. Житуха ваша утихнет! Только посмейте!

В о р о б е й. Была не была! *(Поправляет веревки на печке-буржуйке и входит внутрь помещения.)*

Пугало начинает гоняться за Воробьем, как это бывает в немых фильмах – оба то и дело спотыкаются, падают. Пугало неповоротлив, ему не удается догнать Воробья, он быстро устает, падает, ушибается. И в конце концов уступает.

П у г а л о *(в начале преследования кричит)*. Я из тебя котлету сделаю! *(Гонится за Воробьем, тот убегает.)* Ага, попался! *(Воробей на секунду вырывается.)* Стой! Сейчас изловлю!.. *(Воробей снова вырывается.)* Давненько не ел воробьев! О-о-о-ох!.. *(Наталкивается на что-то, падает.)* О-о-о-ох! Стой!.. Перестань порхать, иди сюда! Иди, сейчас схвачу!.. Ох, уморился я, сердце того и гляди разорвется!.. Ох! Ох! Ох! О-о-о, моя рука! О-о-о, моя головушка!.. О-о-о, мои ноженьки!..

В о р о б е й *(жене и сыну)*. Эгей! Ну же, мои воробушки! Идите сюда! Сюда-а-а!

Воробьиха и Воробушек испуганно смотрят на Воробья, который как ни в чем не бывало стоит на веранде и жестами подзывает их подойти.

В о р о б у ш е к. Пошли!

В о р о б ь и х а. А если это – ловушка?!

В о р о б у ш е к. Я иду!.. *(Решительно трогается с места.)*

В о р о б ь и х а. Стой! погоди!.. *(Неуверенно идет за ним.)*

В о р о б е й. Идите же! Здесь есть отличный внутренний карман с шелковой подкладкой. Просторный, места хватит всем. И веранда есть, как видите.

П у г а л о (*лежит, охая*). Ох, вот только переведу дух, я вам покажу веранду! Мокрого места не останется! (*Воробьяха и Воробушек пугливо останавливаются.*)

В о р о б е й. Не бойтесь, он только так говорит. Но ничего нам не сделает. Попробовал – и видите, чем все кончилось!

Воробьяха и Воробушек входят вовнутрь.

П у г а л о. Куда вы – с этими узлами? И с этими трубами? (*Жалобно охает.*) О-о-ох! Вы хоть вытирайте ноги, мерзкие твари! (*Невнятно бормочет.*) М-м-м!..

Воробьяха и Воробушек старательно вытирают ноги у дверей.

В о р о б е й. Забирайтесь сюда, в карман. Согрейтесь, вы так замерзли... Я сейчас приду, установлю печку.

П у г а л о. Никакой печки! Дом подпалите!..

В о р о б е й. Не беспокойся, мы осторожно. Мы же не психи, чтобы дом поджигать.

П у г а л о. И никаких песен, никаких стуков, никаких гостей. После восьми вечера – мертвая тишина. Ходить только в тапочках. Лестницу подметать утром и после обеда. Половики вытряхивать вон у того куста. Ясно?

В о р о б е й. Ясно.

П у г а л о. А теперь договоримся о плате.

Воробей направляется к Пугалу. Спустя некоторое время из внутреннего пиджачного кармана высовывается труба, из которой начинает кольцами струиться дым. Завывания вьюги не смолкают, снег заметает все вокруг.

2.

Солнечный зимний день. Напротив обиталища Пугала стоит Снеговик. Посреди сцены возвышается старое грушовое дерево, вершина которого недоступна взгляду. Кругом кусты, засыпанные снегом. Воробьи возвращаются из леса с вязанками хвороста, что-то напевая. Пугало, появившийся на веранде, приходит в ярость.

П у г а л о. Вытирайте ноги! Из-за вас я нажил ревматизм. Развели сырость. И перестаньте порхать вверх – вниз. Сидите или внутри – или снаружи!

Воробьи, не обращая на него внимания, чирикают себе и скрываются внутри. Пугало присматривается к Снеговуку, спокойно стоящему напротив. У него вместо носа – морковка, на голове кастрюля, а вместо глаз – черные угольки. В руках старая метла. Ряд камешков заменяет пуговицы. Этого печального Снеговика зовут Данчо.

П у г а л о (*злобно*). Чего уставился, толстопузый? Пугала не видел?
Д а н ч о (*миролюбиво*). Я не на тебя смотрю. Есть кое-что приятнее для глаза.

П у г а л о. Уж не себя ли имеешь в виду? Да ты посмотри, на что ты похож. Полюбуйся на дырявую кастрюлю на своем черепке, на трухлявую морковку, что торчит спереди. Есть, видите ли, кое-что приятнее для глаза! Смотри же, смотри, раскрой пошире свои угольные зенки! Ну, где еще ты видел такое чудище – с полтонны весом?! Ни шеи, ни талии – круглый ноль!

Д а н ч о. Я не ноль.

П у г а л о. Ноль! Круглый!..

Д а н ч о. А ты – даже не ноль! Так, пустое место. Пугало, в кармане у которого живут воробьи! И разгуливают на веранде! (*Указывает.*)

На веранде в самом деле прыгают Воробей и Воробиха, о чем-то переговариваясь.

П у г а л о (*сердито*). Кыш! Кыш, мерзкие твари! Кыш к себе, в карман! (*Воробьи не обращают внимания на его окрики.*)

Д а н ч о. Как видишь, никто тебя не боится. Какое же ты пугало?!

П у г а л о. Во всей округе нету лучше меня.

Д а н ч о. Как бы не так!

П у г а л о. Нету!

Д а н ч о. Да ты просто грудка обломков и тряпья. Как ни хорохорься, но если у тебя в кармане живут воробьи, которые при виде тебя должны с перепугу падать замертво, то все, конец. Существование твое бессмысленно. Ты ничто!

П у г а л о. Я разрешил из человечности. Не то они бы замерзли.

Д а н ч о. Да, да! Из человечности! Я ведь слышал, как ты орал: "Убирайтесь, сквернавцы, я из вас котлет наделаю! Чтоб духу вашего не было!" Только они не побоялись!

П у г а л о. А сам-то – ни отца, ни матери! Вылеплен какими-то горелыми умельцами! (*Снеговик сразу пригорюнился, смолк, повесил голову. Пугало задел его за большое место.*) У тебя даже метрики нету. И имени. Ничего, одна кастрюля.

Д а н ч о. Есть. (*Достает из-под метлы листок из школьной тетради.*)
Вот здесь написано: "Данчо Шизик".

П у г а л о. Это не метрика, а листок из школьной тетради. Никакой не документ. Причем скомканный и выброшенный. Я же видел!

Д а н ч о. Неправда!

П у г а л о. Нет, правда. Петр Гемишев поднял его, развернул и разглядел рукой. Но это было после. (*Снеговик печально наклонил голову. Стоит молча, время от времени вздыхая.*) Нашел с кем спорить, болван!

На сцену вихрем врывается Петр Гемишев с газетой в руках. На нем спортивный костюм, на шее – ошейник вместо шарфа.

Г е м и ш е в. Здравствуйте! Какая погода, а? А ведь вчера был холод собачий, метель, я чуть не замерз в своей конуре. Ошейник прямо окостенел. До сих пор не разморозился. А не побегать ли нам маленько? Слышь, Данчо? (*Данчо молчит, пригорюнившись. Гемишев пристально смотрит на него. Потом переводит взгляд на Пугала. Пугало быстро поднимается по ступенькам и исчезает за дверью.*)
Что, опять?

Д а н ч о. Опять. Каждый раз, когда ему нечем крыть, он говорит это, и я замолкаю. Горло перехватывает, задыхаюсь, слова не могу вымолвить.

Г е м и ш е в. Не обращай внимания. Он хоть и знает, кто его родители, да сам-то – барахло.

Д а н ч о. Не знать, кто твои мать и отец... Разок бы повидать их, своих родителей, хотя бы в спину, сквозь пелену снега, – как они уходят, запомнить их как силуэты в зимнем сумраке, в шапках или без шапок, закутанных шарфами... или в полушубках... (*Пауза.*) А то – никаких подробностей... ну, хотя бы самая малая... пуговица там или булавка...

Г е м и ш е в. А все потому, что тебе забыли вставить глаза.

Д а н ч о (*печально*). Да, забыли. Только на другой день случайные прохожие вставили, но было уже поздно... Их и след простыл. Одни деревья вокруг, все в снегу, да белки прыгают по веткам, как рыженькие мячики, и...

Г е м и ш е в. Я.

Д а н ч о. И ты. Свирепо скалишь зубы, зыркаешь на меня устрашающим взглядом.

Г е м и ш е в. Я так напускаю страху. На всякий случай. С самого начала беру на испуг. Ведь потом не испугаешь, когда поймут, что ты добряк.

Д а н ч о. Надо же – появиться в начале зимы и не знать, когда, в какой день, днем или вечером, или же утром ты рожден и при каких обстоятельствах!.. Не знать ничего...

Г е м и ш е в. Так уж и ничего! Ведь известно, что праздновать день рождения тебе надо зимой. Кое-кто и этого не знает.

Д а н ч о. Ты вроде мой самый старый приятель. Может, помнишь хоть какую-нибудь мелочь: поблескивание перстня или следы на снегу?..

Г е м и ш е в. Но меня здесь не было. Я инспектировал свой район – вон те холмы, а когда вернулся, ты уже был готов и поблизости никого не было.

Д а н ч о. О, я растаю с горя! Ну хоть метрику они могли оставить, чтоб не повадно было всякому меня оскорблять.

Г е м и ш е в. Ты что – так и будешь все время бубнить про это?!

Д а н ч о. Пугало сказал, что у меня даже имени нет.

Г е м и ш е в. Как – нет?! (*Достает лист, вырванный из школьной тетради.*) Вот здесь черным по белому написано: "Данчо Шизик". Как я – Петр Гемишев.

Д а н ч о. Ох!.. (*Печально, тяжело вздыхает.*)

Г е м и ш е в. Да ты не падай духом! Смотри на вещи оптимистичнее.

Глянь, как хорошо вокруг: тихо падает снег, белой пеленой укрывая и кусты, и поля до самых холмов. По деревьям скачут белки, их пушистые рыжие хвостики напоминают язычки пламени.

Прислушайся, услышь, как звенит белизна!

Д а н ч о. Не могу я быть оптимистом?! Такой толстый и... все...

Г е м и ш е в. Ты похудеешь. Я вот принес газету. В ней есть статья про похудание.

Д а н ч о. Каких только диет я не соблюдал, у меня даже нос из морковки, да все впустую. Толстею по часам. Да, я жирный. Очень жирный. Отвратительно жирный! Похож на бочку.

Г е м и ш е в. Ну, будет! Не такой уж ты жирный. Есть и пожирнее тебя.

Д а н ч о. Не могу больше себя терпеть. Вот возьму и растаю с горя!..

Г е м и ш е в. Я же сказал: не падай духом! Не такой уж ты толстый. Ты толстый привлекательно.

Д а н ч о (*читает газету*). Вот абсолютное отрицание вчерашней статьи. Вчера писали: не ешьте мяса, углеводов, капусты, а сегодня пишут: ешьте только мясо, углеводы, капусту. И никаких яиц. Ничего

сладкого. А позавчера рекомендовали яйца как основу диеты. А в газете за понедельник – мед.

Г е м и ш е в. Ерунда все это! Истина – в движении. Вот я и говорю тебе: давай побегаем, сдвинься с места. Всю зиму предлагаю. Посмотри на меня: наворачиваю всюю мясо и кости, и хлеб, и еще всякую всячину, но – бегаю. А ты вообще не двигаешься. Стоишь здесь и жалуешься.

Д а н ч о. Есть причина.

Г е м и ш е в. Происхождение не столь важно. Не так уж важно, кто твой отец! И какой он!.. Важно, какой ты сам!.. Если ты – человек, остальное не имеет значения!

Д а н ч о. Нет уж, другое дело – знать, кто твой отец. И чтобы остальные знали. Будь мой отец каким-нибудь... о-го-го!... разве я был бы таким толстым... Ходил бы в сауну ...

Г е м и ш е в. Тебе только сауны не хватает!

Д а н ч о. Он мог бы солнце остановить, чтоб не наступала весна. Купил бы мне холодильник, чтобы я в нем жил.

Г е м и ш е в. Ты пал духом – вот в чем беда. Все ждешь, когда появятся твои родители и все проблемы разрешат мановением волшебной палочки. А ты потрудись сам, сделай что-нибудь! Попробуй!

Д а н ч о. Ничего не могу поделать. Я так устроен.

Г е м и ш е в. Не устроен, а просто пал духом. Воробьи вон тоже устроены иначе, а живут вместе с Пугалом. Они что – львы?

Д а н ч о. Они могут, а я не могу.

Г е м и ш е в. Они хотят, а ты... ждешь, что все свалится с неба. Ну же, давай побегаем, потом займемся гимнастикой, потом кросс – километров пятнадцать, и вернемся обратно. Вот и похудеешь. И духом окрепнешь. А будешь тренироваться ежедневно, к концу зимы сможешь подняться на самую высокую вершину. Там снег не тает ни зимой, ни летом. Понял? Ну же!

Д а н ч о. Не могу. Вдруг придут родители, а меня нет? Лучше почитаю газету.

Г е м и ш е в. На чтении газет далеко не уедешь, говорю как другу.

Д а н ч о. Ты беги, а я тебя здесь подожду.

Г е м и ш е в. Как знаешь! *(Убегает, а Данчо разворачивает газету и принимается за чтение.)*

П у г а л о *(выходит на веранду)*. Эй, Данчо! Есть там что-нибудь о квартплате?

Д а н ч о. Что именно о квартплате?

П у г а л о. Не собираются ли повышать?

Д а н ч о (*просматривает газету*). Нет. Ничего не написано.

П у г а л о. А насчет квартирантов?

Д а н ч о. Что именно?

П у г а л о. Да вроде бы их будут выселять, заставят приватизировать жилье. Ты проверь это, проверь...

Д а н ч о (*опять просматривает газету*). Ничего такого нет. Есть про положение на Среднем Востоке. Очень напряженное.

П у г а л о. Напряженное! А мое – не напряженное?! Только про это в газетах ни слова! (*Уходит, раздосадованный.*)

Данчо принимается за чтение газеты.

3.

Весна. Место то же. Старая груша зазеленела, с одной высокой ветки свешивается трапеция (или качель), на которой раскачивается Рагацца... Она проделывает всевозможные трюки, напоминающие цирковые номера, и без умолку мурлыкает песенку. Напротив – обиталище Пугала во всем его жестяночно-тряпичном великолепии. Кусты, среди которых бросается в глаза куст смородины, тоже покрыты зелеными листьями. Нет только Данчо. На сцену выскакивает Гемишев – встревоженный, запыхавшийся.

Г е м и ш е в. И здесь его нет. Данчо-о-о! Данчо-о-о!.. (*Пауза, тишина.*)

И никто его не видел... А!.. (*Наклоняется и поднимает из травы кастрюлю и морковь.*) Растаял!.. (*Садится, смотрит в кастрюлю. Звучит мелодия об утрате друга, о человеке, который пал духом.*)

Рагацца перестает качаться и смотрит вниз.

Вот что случается с человеком, который пал духом.

Снова воцаряется тишина. Издалека доносится жужжание, которое звучит все громче. Гемишев озирается.

Что за жужжание?.. Никого нет, а жужжит! Прямо как в детективе... А!

Майский Жук! Это ты жужжишь, дорогой?

М а й с к и й ж у к (*появляется*). Я... Разве запрещено?

Г е м и ш е в. А с чего это ты разжужжался в такую рань? Знаешь, какой сейчас месяц?

М а й с к и й ж у к. Май.

Г е м и ш е в. Не угадал. Сейчас апрель. И если ты майский жук, то почему вдруг разлетался в апреле?

М а й с к и й ж у к. Апрель? Не может быть!

Г е м и ш е в. У меня часы с календарем. *(Показывает.)*

М а й с к и й ж у к. То-то я сбиваюсь с курса, как пьяный. Все кругом другое, незнакомое – и кусты, и цветы...

Г е м и ш е в. А думаешь, Колумбу все было знакомо?!

М а й с к и й ж у к. Он что – тоже выполз в апреле?

Г е м и ш е в. Нет. Он открыл Америку. Он открыватель.

М а й с к и й ж у к. Жук-открыватель?!

Г е м и ш е в. Никакой он не жук!

М а й с к и й ж у к. Но все равно открыл Америку? Перед такими снимаю шляпу!

В ь ю н о к *(возникает как из-под земли)*. Мне слышалось: "Америку!" Кто-то сказал: "Америку!" Кто? Майский Жук!.. Записываю! *(Записывает.)* "Майский Жук снимает шляпу перед Америкой!"

Г е м и ш е в. Не перед Америкой, а перед открывателем Америки.

В ь ю н о к *(пишет)*. "Перед американцем". Это одно и то же.

Р а г а ц ц а *(вмешивается сверху)*. Ну, ты тупой, Вьюнок! Колумб был испанец.

В ь ю н о к. Раз он испанец, то он открыл Испанию. Давайте разберемся, что же он открыл. Я летописец, я обязан записывать чистую правду. Поколения должны знать правду. А ты, Гемишев, должен знать: обзывая меня тупым, ты наносишь оскорбление должностному лицу при исполнении служебного долга!

Г е м и ш е в. Это сказал не я, а кто-то наверху.

В ь ю н о к *(испуганно)*. Наверху?!

Р а г а ц ц а. Я сказала.

В ь ю н о к *(с облегчением)*. Ох!.. Самая обыкновенная груша. Да и не груша еще, а цветок! А я здорово струхнул, когда услышал: "Наверху"! Ох, и напугал ты меня, Гемишев, прямо до смерти!.. Можно ли говорить такое?!

М а й с к и й ж у к. Раз открыватель, то какой же он испанец?

Р а г а ц ц а. Ну, жучище, у тебя, я вижу, совсем крыша поехала!

В ь ю н о к. А ты кто такая, чтобы лепить ярлыки налево и направо?

Р а г а ц ц а. Я Рагацца. И мне не понятно, как ты можешь записывать правду, если не знаешь, кто такой Колумб! Ты, наверно, и "сироп" пишешь через "е"!

В ь ю н о к. Я не записываю словами, маленькая воображала. Ручка – это на всякий случай. Я пользуюсь микрофоном, он у меня ретро, в виде граммофонного рупора. Это сейчас модно. В Париже, куда ни глянь, всюду "ретро".

М а й с к и й ж у к. Все-таки давайте выясним, кем был Колумб: испанцем, американцем или открывателем. Меня это живо интересует...

Г е м и ш е в. Мореплавателем.

В ь ю н о к. Ну вот, еще и мореплавателем. Он не может быть сразу и испанцем, и открывателем, и мореплавателем. Должно быть одно.

Р а г а ц ц а. Полный облом!..

В ь ю н о к. Гемишев, я тебя спрашиваю. Не обращай внимания на эту... у нее еще молоко на губах не обсохло. Я вот – только Вьюнок. А он... и одно, и другое, и третье...

В эту минуту порыв теплого ветра уносит Вьюнка в одну сторону, Майского Жука – в другую, Гемишева – в третью. Сильно раскачивает Рагаццу, крутит, вертит ее во все стороны. Потом наступает затишье, во время которого вспыхивает скандал между воробьями и Пугалом. Первыми появляются Воробей и Воробьяха, которые носятся как угорелые, подскакивают, взбираются на деревянные выступы жилища Пугала, прыгают, как на батуте, а затем выбегает и Пугало, разъяренный до крайности.

В о р о б е й. Это не мы! Не мы! (*Удирает.*)

П у г а л о. Где поля моей шляпы?! Я вас... в порошок сотру!

(*Гоняется за воробьями.*)

В о р о б ь и х а. Мы не виноваты! (*Удирает.*)

П у г а л о. А кто? Конь в пальто? (*Гоняется за воробьями.*)

В о р о б ь и х а. Мы не едим шляп! (*Спасается бегством.*)

П у г а л о (*бегает за ними*). Разбойники! Воры!..

Откуда-то сбоку выбегает Воробушек, он пытается мешать Пугалу: бросает ему под ноги палки, ветки, веники. Одним словом, как при каждой сваре поднимается беготня, ор. Привлеченные шумом, прибегают Гемишев, Вьюнок, с трапеции медленно спускается Рагацца, из-за кустов появляется Смородина, подходит и Сыроежка... Появляются они, разумеется, не все сразу, и каждый находит нужным вмешаться в скандал.

Г е м и ш е в. Что здесь творится? В чем дело?.. Это мой район, я здесь отвечаю за порядок!

Р а г а ц ц а. Бег на три тысячи метров с препятствиями! Велосипедные гонки с участием Пугала!

П у г а л о. Они съели поля моей шляпы! (*Гоняется за воробьями.*)
В о р о б е й. Это недоразумение! (*Убегает.*) Мы ни при чем!
Г е м и ш е в. Остановитесь!.. Пойдите!..
В ь ю н о к (*появляется*). Бей! Дери! Давай!.. Так их!

Беготня не прекращается. Вопли, визг. Пугало спотыкается, падает, с трудом поднимается и, хромя, продолжает преследовать воробьев.

В о р о б е й (*Воробушку*). Сбегай за учебником!

Воробушек убегает.

С м о р о д и н а (*появляется*). Господи Боже, как этих ни цивилизуй,
как ни учи, как ни облагораживай их нравы, у них одно на уме – драка!
Да они поубивают друг друга! В чем тут дело?!
В ь ю н о к. Не знаю! Но это так интересно... А-а-а! Чуть не сцапал...
О, смотри, перья летят!.. Давай, жми, сейчас поймаешь!..
Г е м и ш е в. Вьюнок, замолчи! А ты, Пугало, уймись! Прекратите,
хватит!

Никто его не слушает. Крики, визг, беготня не утихают. Появляется Сыроежка.
При виде происходящего она снимает шляпу и стоит чинно, подобострастно, с
непокрытой головой.

Р а г а ц ц а. Опасность слева! Слева! Спасайтесь!.. Вот так! У-у-у!
Долой Пугала!
В ь ю н о к. Давай, Пугало! Сожри их!
Р а г а ц ц а. Прыгай, прыгай... Так его! Подставляй веник! Молодец!
Г е м и ш е в (*кричит*). Перестаньте! Уймитесь! Черт вас побори! Не то
я вас!..

Только после этой реальной угрозы сильной стороны кутерьма прекращается. Обе
враждующие стороны, еле переводящие дыхание, останавливаются на
почтительном расстоянии друг от друга.

Ну, на что это похоже, а?! Здесь вам не Чикаго!..
П у г а л о. Скоро будет!
Г е м и ш е в. Объясни по-человечески!
П у г а л о. Посмотри на мою шляпу.
Г е м и ш е в. Ну?

П у г а л о. Ну! Половины полей – нету! Если бы у тебя кто-нибудь съел полхвоста, ты бы как поступил? Угостил бы того, кто съел, мороженым? На десерт!..

В о р о б е й. Да не ели мы твоей шляпы.

В о р о б ь и х а. Мы шляп не едим. Наши желудки их не переваривают.

П у г а л о. Я вас живо переварю!

В ь ю н о к. Для него ведь эта шляпа как знамя, как адмиральский флаг, символ крепости. Какая же крепость без знамени?!

Р а г а ц ц а. Алло, Вьюночек, ты разве не видишь: знамя-то на месте. Не хватает какого-то куска. Но так оно еще знаменитее! Разве до твоего рупора еще не дошло, что чем больше дыр на знамени, тем в большем числе сражений оно побывало и тем больше одержало побед?

С м о р о д и н а. Да кто она такая?

В ь ю н о к. Это Рагацца! Кандидатка на статус груши! И уже все знает! Знамя, видите ли, на месте! А из-за чего тогда эти чуть не поубивали друг друга?!

П у г а л о. Какое еще знамя! Они съели поля моей шляпы!

Р а г а ц ц а. Боже, сколько гениальных мозгов в одном месте!

В о р о б е й (*открывает принесенный Воробушком учебник*). А давайте проверим, что говорит наука о питании воробьев. Про поля шляп не сказано ни слова. Смотрите!

П у г а л о. Наука! Вот когда у нее съедят поля шляпы, тогда посмотрим, что она запоет. А так легко высасывать из пальца что в голову взбредет.

В о р о б ь и х а. Он не верит даже в науку!

П у г а л о. Зима была лютая, есть нечего, вот вы и сожрали!

В о р о б е й. Мы доказываем научным путем, а ты ...

П у г а л о. Плевал я на ваш научный путь! Сожрали поля моей шляпы, а потом научным путем доказываете... Раньше надо было доказывать!

С ы р о е ж к а. Он прав. Человек без шляпы – как тело без души! Без шляпы нельзя. Шляпа для человека – все!

Р а г а ц ц а. Если шляпа – все, то почему ты мнешь ее в руках? Лучше бы надела на голову!

С ы р о е ж к а. При такой неразберихе я всегда снимаю шляпу. На всякий случай. Я уважаю обе стороны. А там – чья возьмет.

С м о р о д и н а. Господи Боже! О, как тяжела моя миссия! Жить среди этих печенегов, этих балканских дикарей! Да во Франции подобное... там это просто немыслимо! Чтобы кто-нибудь съел поля шляпы – да еще дамской... Немыслимо!.. Эмпосибль!.. О, Сена, Ги де Мопассан, Булонский лес!..

П у г а л о. А вот у нас – съели!

Р а г а ц ц а. Это еще надо доказать.

П у г а л о. Ох, вот доберусь до тебя, я тебе докажу! Не видишь разве, что они преступники?! Нормальные воробьи, завидев меня, помирают со страху, а эти живут себе в моем кармане и разгуливают у меня на голове!

С м о р о д и н а. Надо быть точным! Во Франции обожают точность. Они не могут разгуливать на твоей голове, потому что у тебя нет головы. Подобный феномен описан в рассказе Ги де Мопассана "Всадник без головы".

П у г а л о. Проваливал бы ты со своим Ги де Мопассаном, а не то я тебе такого Мопассана покажу!.. И феномена тоже!

С м о р о д и н а (*дрожа от возмущения*). Ты можешь так вести себя с каким-нибудь обычным виноградом – "памидом" или "болгаром", или другим подобным сортом! Но не со мной! Я родом из Франции!.. Нет, месье, французы умирают, но не сдаются, как сказал маршал Ней!

В ь ю н о к. Какой скандал! О, роскошный скандал!

С м о р о д и н а. Вместо того чтобы целовать мне руки за то, что торчу здесь, облагораживаю вас, цивилизую, приобщаю к великой культуре, вы... Печенег!

В о р о б е й. Видишь, что ты наделал? Расстроил французскую смородину!

П у г а л о. Да я тебя в порошок сотру! Поля моей шляпы тебе боком выйдут! (*Бросается на Воробья, Гемишев его останавливает.*)

С м о р о д и н а. Вопрос о периферии шляпы – вопрос периферийный! Пугало нанес оскорбление французской культуре. Оскорблена вся нация, он обязан извиниться!

П у г а л о. Да что у тебя общего с французской культурой?! Велика важность: нация, видите ли, оскорблена, ты-то здесь причем?! Будто не знаю, кто ты и откуда!..

С м о р о д и н а. Я?! Это у меня?! Что общего?! (*Падает в обморок.*)

Воробушек и Гемишев бросаются к ней, чтобы привести ее в чувство.

В ь ю н о к. Вот так скандал – с обмороком! Давай, Пугало, покажи им где раки зимуют!

Г е м и ш е в. Закрой свой рупор! Пугало, как ты мог! Ведь так убить можно!

П у г а л о. А чего она носится с французской нацией! Она ее и не нюхала! Помню, как-то французские туристы остановились починить

покрышку, так эта по-французски – ни бельмеса. Знай лопочет по-турецки: "Берекет версин!" Спасибо, то есть. И стащила у них номера от машины!

С м о р о д и н а (*в сердцах подскакивает*). То были вовсе не французские туристы, а турки. Самые обыкновенные турки, работающие во Франции! А номера они мне подарили! За то, что знаю их язык. Я, сударь, не в пример тебе, варвару, знаю языки!

П у г а л о. Про турок ты после сочинила. А тогда только обливалась потом и не знала куда деваться со стыда. И номера ты сперла. Я видел.

С криком "Алон з`анфан де ля патри!" Смородина набрасывается на Пугала. Застигнутый врасплох, тот падает. Смородина вцепляется ему в горло. Гемишев весь трясется от ярости.

В ь ю н о к. Бей его! Дай в рожу!

С ы р о е ж к а. Я стою без шляпы и не вмешиваюсь! Не вмешиваюсь!

Р а г а ц ц а. О, туше! Раз, два, три, четыре, пять, шесть... Бум-м-м!

Туше!

Г е м и ш е в (*разнимает дерущихся*). Пугало, угомонись... черт тебя побори!.. Хватит, уймись!

П у г а л о. Ведь они меня объели! Объели дочиста! Ты только глянь на мой фасад! Одно тряпье! Хороши постояльцы! Для начала съели поля шляпы, а там, глядишь, еще что-нибудь вытворят!.. А я должен стоять сложа руки?.. Из-за этих воробьев я сделался посмешищем! А вы спросили, каково мне жить с воробьями в кармане?! Да кого заботит мой авторитет, мои нервы?! О, для чего я живу на этом свете, для чего?.. Что ж, давай, Гемишев, ешь меня и ты, ешьте все, раз начали, доконайте меня!

В эту минуту опять начинает дуть сильный ветер, его порывы сдувают участников скандала в разные стороны – сцена на миг остается пустой, на ней лишь валяется принесенный ветром кусок полей шляпы Пугала, из-за которого все чуть незакончилось смертоубийством. Обрывок шляпы лежит в самом центре сцены. Действующие лица постепенно возвращаются и присматриваются к нему. Они смущены, и явно испытывают раскаяние и досаду. Ради чего потрачено столько энергии и нервов?!..

Г е м и ш е в. Да вот они – поля твоей шляпы. В моем районе ничто не может пропасть!

С м о р о д и н а. Глупости! В этой стране даже ветры много себе позволяют. Сперва уносят, потом приносят. Не спрашивают ни

разрешения, ни разрешения, ни – извините, месье. Срывают с головы шляпу – и все тут!

С ы р о е ж к а. Я потому держу свою в руках. Разве знаешь, какой ветер задует.

В ь ю н о к. Жаль! Жаль, что такой шикарный скандал – кончился!..

В о р о б ь и х а. Мы ведь честное слово давали! Но для Пугала честное слово разве что-нибудь значит?

В о р о б е й. Тому, что говорит наука, нужно верить, учебники-то пишут не дураки...

Р а г а ц ц а. А вы чуть не поубивали друг друга! Из-за чего?! Что вы за люди?..

П у г а л о (*осматривает поля шляпы*). Это... вроде... можно починить...

Пристыженные, не глядя друг другу в глаза, действующие лица один по одному покидают сцену или возвращаются. Воцаряется неловкое молчание. В воздухе повисает вопрос: "Почему? Из-за чего было все это? Почему мы так живем?"

4.

А мы последуем за Гемишевым, который в задумчивости останавливается перед своим жилищем. У порога стоит включенная электроплитка, на ней – кастрюля с надписью "Данчо Шизик", в которой что-то варится. Гемишев удивленно заглядывает в кастрюлю, оглядывается по сторонам. Его взгляд останавливается на табличке с надписью над дверью.

Г е м и ш е в (*читает*). "Иванка Милева, звонить два раза". Хорошенькое дело! В моей конуре!.. Эй, Милева! Милева!

В дверях появляется божья коровка в пеньюаре.

М и л е в а. В чем дело? Я Милева.

Г е м и ш е в. А что ты здесь делаешь, Милева?

М и л е в а. Живу. А в чем дело?

Г е м и ш е в. Как это – живешь? Ведь здесь мой дом. Здесь живу я.

М и л е в а. Простите, с кем имею честь?..

Г е м и ш е в. Я Петр Гемишев.

М и л е в а. Это жилье пустовало, когда я поселилась. По-моему, вы ошиблись адресом. А вы, случайно, не выпивши?

Г е м и ш е в. Я?! Выпивши?! Я, отвечающий за порядок в районе?!

М и л е в а. Бывает... С каждым может случиться.

Г е м и ш е в. По-твоему, я перепутал адрес?!

М и л е в а. Но ведь я у себя дома.

Г е м и ш е в. Допустим. А это что? *(Указывает на плитку с кастрюлей.)*

М и л е в а. Плитка. Варю себе морковку. Разве запрещено?

Г е м и ш е в. Морковку!.. *(В бешенстве толкает кастрюлю, она переворачивается.)* Живо собирай свои манатки и выметайся, а не то... Считаю до трех!

М и л е в а. Да в чем дело, какие манатки?..

Г е м и ш е в. Раз...

М и л е в а. Но я на законном основании. Ведь кто укажет свободную квартиру, тот и вселяется...

Г е м и ш е в. Как врежу на законном основании!.. Мало не покажется! Два ...

М и л е в а. Будьте добры, минуточку... ладно, ухожу, ухожу... Знаете: жилищный кризис... нехватка жилья... Вот, ухожу.

Божья коровка поспешно увязывает свои пожитки в узел и покидает жилище Гемишева. Он снимает табличку с ее именем и бросает под ноги.

Г е м и ш е в. И табличку вешает. Здесь нет звонка, а она вешает табличку. На дверях чужого дома!

М и л е в а. Приятно было познакомиться, хотя и при таких... немного необычных обстоятельствах. Иванка Милева, божья коровка. Мерси!

Г е м и ш е в. И берет без спросу чужую кастрюлю, чужую морковь... Сгинь с моих глаз, пока цела, не то я тебе покажу такую божью коровку!..

М и л е в а. Ах, вы такой строгий, такой суровый! Именно такие люди должны отвечать за наш район, следить за порядком...

Г е м и ш е в. Сказал: убирайся! Мне сейчас не до болтовни!

М и л е в а. Простите, но поскольку я осталась на улице, без крыши над головой, то не скажете ли вы, где можно снять квартиру, найти пристанище... преклонить голову...

Г е м и ш е в. Я не справочное бюро.

В ь ю н о к *(появляется как всегда неожиданно)*. У Пугала. Устроим ее к Пугалу. У него второй карман пустой.

Г е м и ш е в. А, Вьюнок! Ты-то что здесь потерял?

В ь ю н о к. Ну как же, я обязан поспевать везде, все регистрировать, отмечать для поколений. На то я и летописец.

Г е м и ш е в. Ты не летописец, а марака. Вездесущий. Всюду суешь свой нос. Ладно, отведи ее к Пугалу. И лучше не лезь в чужие дела... для твоей же пользы.

В ь ю н о к. Я только выполняю свой долг.

Г е м и ш е в. А божья коровка пусть спасибо скажет, что легко отделалась. За такое можно схлопотать по башке! Будет жить здесь – пусть помалкивает в тряпочку... чтоб тише воды, ниже травы. Мой район – образцовый!..

М и л е в а. Ну как же! Будет исполнено, пожалуйста, не сомневайтесь!..

Г е м и ш е в. Ладно, проваливайте!

Милева и Вьюнок удаляются. Милева выглядит сокрушенной, как в воду опущенной.

В ь ю н о к. Да ты не падай духом! Гемишев, он только так говорит, а на самом деле добряк.

М и л е в а. Да, но жизнь в коммуналке... Другие жильцы, общая кухня...

В ь ю н о к. И все же – не падай духом... Ты у меня спроси... С чем только не приходится сталкиваться при исполнении служебного долга! Но я не падаю духом. О, я всегда на посту. Вот и ты справишься...

Обе уходят. Гемишев остается в одиночестве. Он стоит и смотрит на кастрюлю с морковкой, которые принадлежали Данчо. Звучит мелодия о том, кто пал духом и нас покинул, о том, как тяжело тому, кто падает духом.

Гаснет свет.

5.

Снова главное место действия – перед старой грушей. Рагацца на трапедии выделывает свои трюки. Иванка Милева сидит чинно, она занята вязанием. Смородина перелистывает французский журнал "Монд", делая вид, что читает, причем она держит журнал вверх ногами. Воробьи развешивают выстиранное белье. Пугало ходит за ними и с досадой сбрасывает белье, которое они развесили, вниз, а Воробушек приносит сброшенное белье родителям и те развешивают его снова. Своего рода игра на нервах. Неожиданно на сцену выбегает Вьюнок.

В ь ю н о к. Открыли Америку! Только что открыли Америку! Представляете?!.. Это надо записать... м-м-м... *(бормочет, записывая)* открыта...

Г е м и ш е в (*появляется с другой стороны*). Что за шум? Там кричат "Ура!" и бросают в воздух Майского Жука, здесь я слышу другие крики...

В ь ю н о к (*возбужденно*). Да, Гемишев, Америку открыли! Слышишь? Америку! А ты знаешь одно: тишина, спокойствие...

Г е м и ш е в. А кто открыл?

В ь ю н о к. Майский Жук. Потому его и бросают в воздух. А другие жуки устраивают ему чествование. С минуты на минуту торжественное открытие.

Р а г а ц ц а. Глупости! Америку открыли сотни лет назад!

В ь ю н о к. Ее открыли полчаса тому назад! Сам слышал!

Р а г а ц ц а. Ох, Вьюночек, плохи твои дела! Мало того, что ни бельмеса не знаешь, так еще и не помнишь. Ведь уже шла речь о Колумбе и Америке, и ты все записал. Да умеешь ли ты писать? Что за каракули у тебя накарябаны? Спорю: это не буквы.

В ь ю н о к. Это я не умею писать?! Я – корреспондент! Я – летописец! Я?!

Р а г а ц ц а. Дай, посмотрю!

В ь ю н о к. Не дам! Это записи для будущих поколений. Их не каждому можно читать.

Р а г а ц ц а. Ясно.

С м о р о д и н а. Что ясно? Впрочем, тебе всегда все ясно!

Г е м и ш е в. Но Америка открыта давно, я же говорил этому жуку! А теперь вон какой тарарам поднялся! Пойду-ка водворю порядок!

(*Уходит.*)

В ь ю н о к. Да зачем водворять, ведь и по телевизору будут показывать!..

С м о р о д и н а. Перестаньте носиться с этой Америкой! Одни ганстеры да небоскребы! Убивают друг друга и сбрасывают с небоскребов. То ли дело – Франция! Знаменитая культура, кухня. Ги де Мопассан...

С ы р о е ж к а (*появляется и снимает шляпу*). Я снимаю шляпу перед французской кухней! Французская кухня очень ценит грибы! Там мы в почете!.. Не то что здесь: каждый норовит скovyрнуть ногой и обозвать поганкой...

П у г а л о. Но я так и не понял, кто открыл Америку – Колумб или Майский Жук. Когда начинаете говорить про что-нибудь, то и дальше говорите про это. А у вас – то Америка, то Колумб... Ничего не поймешь.

М и л е в а. Хозяин абсолютно прав.

С м о р о д и н а. Я тоже Колумб, но тебе этого не понять, хотя я не первый год об этом твержу.

П у г а л о. Ты – Смородина.

С м о р о д и н а. Но среди вас я Колумб: цивилизую вас как индейцев. Но только вы не цивилизуетесь. Упираетесь, не желаете приобщаться. Думаешь, почему я здесь торчу, почему не уезжаю в Париж? Да потому что такова моя миссия!

Р а г а ц ц а. И поэтому ты, читая журнал, держишь его вверх ногами?

С м о р о д и н а. Это я решала кроссворд – горизонтально, и нужно было повернуть, а то получалось слишком отвесно. Ты-то что в этом смыслишь?!..

П у г а л о. Уехать?.. Да кто тебя пустит в Париж?

С ы р о е ж к а. Как – кто?! Ги де Мопассан... Ведь он ей друг!

Р а г а ц ц а. Ой-ой-ой! Какие экспонаты! Этот не умеет писать, та читает газету шиворот-навыворот, у Пугала – с мозгами перебор, а у Сыроежки, которая то и знай снимает шляпу, из головы все выдуло!

М и л е в а. Старших, Рагацца, нужно уважать!

Р а г а ц ц а. Уважать? Было бы за что! Тебя, например, за что уважать? За то, что устраиваешь заговоры, хочешь выдворить воробьев из кармана?

М и л е в а. Я?! Воробьев?!

Р а г а ц ц а. Ты постоянно науськиваешь Пугала.

М и л е в а. Господи Боже! (*Крестится.*) Да ничего подобного!..

Р а г а ц ц а. Рассказывай это не мне, а Смородине! Она, может, и поверит тебе.

С м о р о д и н а. О, у меня французские корни, а ты, маленькая дикарка, что бы ни говорила, останешься дичком. И не видать тебе ни Парижа, ни Сены, ни Мопассана... Груша не падает далеко от своего корня!..

Р а г а ц ц а. Много ты смыслишь в грушах!

С ы р о е ж к а. Хотя мою голову и продуло насквозь, но она у меня ясная, свежая, я не знаю, что такое головная боль...

С м о р о д и н а. Ты, Рагацца, слишком много болтаешь. Когда-нибудь попадешь в переплет!

Р а г а ц ц а. Ого, да ты меня пугаешь?!

П у г а л о. Ты что-то говорила про меня, я не усек... насчет мозгов ...

М и л е в а. Она оскорбила тебя, хозяин. Сказала, что ты безмозглый. Можешь подать на нее в суд за оскорбление.

П у г а л о. Какой еще суд?! Я с ней сам разделаюсь! (*Пытается вскарабкаться на дерево к Рагацце.*)

С м о р о д и н а. И я! (*Лезет следом.*)
С ы р о е ж к а. Я тоже! (*Карабкается.*)
П у г а л о. Сейчас расквасим ей физиономию! (*Тожe пытается карабкаться.*)
Р а г а ц ц а. Ой, ой! Умираю со страху!
В ь ю н о к (*что-то пишет в записной книжке*). У меня все записано. Тебе не поздоровится! (*Тожe карабкается.*)
Р а г а ц ц а. Ну же, я вас жду! Скорее сюда! Кофе подать сразу... или потом? (*Проворно прыгает с ветки на ветку.*)
П у г а л о. Вот расквасим рожу, тогда увидишь, когда подавать!..

Появляется медвежонок Светлин. Он любителю тем, как ловко Рагацца перепрыгивает с ветки на ветку, спасаясь от неуклюжих преследователей. Кое-кто из них падает с дерева.

С в е т л и н. А мне это нравится!

Все застывают на месте.

П у г а л о. Эй, Светлин, ты-то чего встряешь? Целую зиму спал, а теперь – ни с того ни с сего: "мне нравится". Сонный ты еще, вот и нравится.
С м о р о д и н а. С тебя, Светлин, еще не сошла дремота.
С в е т л и н. Очистить территорию, живо!
В ь ю н о к. Ты делаешь ей медвежью услугу!
С ы р о е ж к а. Она заслужила этот урок!
М и л е в а. Да, плохо мы воспитываем нашу молодежь, плохо!..
П у г а л о. Ремнем надо воспитывать, другое на них не действует. Нас в свое время драли как сидоровых коз. Вот мы и стали людьми!
С м о р о д и н а. Меня не били, воспитывали на французский манер. Но в строгости. Это – да. Строгость была!
С в е т л и н. Я это слышал сто тысяч раз. Ну-ка, проваливайте! Живо!
С м о р о д и н а (*с жалобным видом слезает с дерева*). Мы уходим, но ты не прав. (*Уходит.*)
П у г а л о (*уходит незаметно*). Ты еще пожалеешь.
С ы р о е ж к а. У нее даже шляпы нету... (*Незаметно удаляется.*)
В ь ю н о к. У меня все записано, Светлин, так и знай. (*Медленно уходит.*)
М и л е в а. Господи Боже, только право сильного, Боже! А где же справедливость, где правда?!.. (*Удаляется.*)

На сцене остаются только Рагацца и Светлин. Звучит мелодия о неожиданном приходе любви.

С в е т л и н. Я позволил себе разогнать их. *(Представляется.)*

Светлин.

Р а г а ц ц а. Очень хорошо сделал. Рагацца. Хочешь, будем качаться вместе?

С в е т л и н. Конечно хочу. *(Оба взбираются на дерево и, глядя друг другу в глаза, начинают качаться на трапеции.)* Рагацца!..

Р а г а ц ц а. Что?

С в е т л и н. Охота тебе торчать здесь! На свете, знаешь, сколько разной невидальщины? Айда со мной, нечего всю жизнь прозябать возле этого Пугала!

Р а г а ц ц а. Рано еще, я не набралась сил. Нужны сахар, витамины, соки... А то выдохнусь после первого же километра.

С в е т л и н. Я принесу тебе меду. Он придает сил. Съешь горшочек – и порядок.

Р а г а ц ц а. Ну, если принесешь ...

С в е т л и н. Пойдешь?

Р а г а ц ц а. Да.

Качаются вдвоем.

С в е т л и н. Какие у тебя красивые глаза!

Р а г а ц ц а. А у тебя глаза карие!

С в е т л и н. Они тебе нравятся?

Р а г а ц ц а. А внутри крохотные золотые огоньки.

Пока звучит этот любовный диалог, Смородина, Пугало, Вьюнок и остальные действующие лица внизу обсуждают создавшееся положение.

М и л е в а. Это до добра не доведет!

В ь ю н о к. Что за мораль! Не успели познакомиться, а уже качаются вместе!

С м о р о д и н а. А чего ожидать от такой нации?! У нас нет даже приличных упаковок, а ты толкуешь о морали! Ты французские упаковки видел? Там тебе так упакуют вермишель, что захочется сварить не содержимое, а упаковку!

С ы р о е ж к а. То-то и оно, молодые больше не носят шляп, от этого падение морали.

М и л е в а. Это называется упадком нравов. Распущенностью! Но придет время, и человечество спросит с нас.

П у г а л о. А почему с нас? Это же не мы качаемся!

М и л е в а. Но мы это видим, все происходит на наших глазах, а мы – общественность. Вот и спросят, где была общественность. Что мы тогда ответим?

П у г а л о. Мда-а-а!.. *(Явно испытывает затруднение.)*

М и л е в а. Конечно, можно сказать: есть люди, которые обязаны следить за порядком и всем прочим. Выходит, они не справляются с обязанностями. Только носятся туда-сюда.

С м о р о д и н а. Ты про Гемишева?

С ы р о е ж к а. Он тоже не носит шляпы.

В ь ю н о к. Не занимается своими делами, а сует нос в чужие. Меня сколько раз обругал!

П у г а л о. Что поделаешь! Он тоже не прочь урвать кусок пожирнее!

С м о р о д и н а. Ему не нравится Ги де Мопассан!

М и л е в а. Гемишев – человек добрый, но его подводят, я уверена: его вводят в заблуждение.

П у г а л о. Постой, ты что – идешь на попятный?!

М и л е в а. Но у нас на глазах, как и на его глазах творятся безобразия. И мы обязаны реагировать, если на это не реагируют те, кто за это отвечает... А так – он человек добрый.

С м о р о д и н а. Тут добром не поможешь. Эту упрямую грушу добром не исправишь. Она, видите ли, от нас сбежит, мы мещане и Бог знает кто еще. О таких грушах Ги де Мопассан написал комедию, она так и называется – "Укрощение строптивой". Вот и нашу нужно укротить, а не то она сядет нам на головы.

П у г а л о. Мало того, что на моей голове разгуливают воробьи, так еще и Рагацца... Моя голова – не Русский бульвар!

В ь ю н о к. Надо принять меры. Дурные примеры заразительны.

С ы р о е ж к а. Давайте ее выдворим!

М и л е в а. Это было бы идеально, но ведь найдутся заступники, покровители и защитят ее!

В ь ю н о к. Кто? Думаешь, Светлин? Да, он обещал ей принести мед, но мед просто так в руки не дается. Я-то знаю пчел: они будут биться не на жизнь, а на смерть, налетать, жалить... А мы в это время...

М и л е в а. Есть, к сожалению, и другие либералы, защитники упадка нравов. Правда, я уверена: это от недопонимания. Или из-за чрезмерной занятости. Но факт остается фактом!

П у г а л о. Ты это о Гемишеве?

М и л е в а. Гемишев – человек добрый.

П у г а л о. Тебя, ей-богу, не поймешь...

М и л е в а. Сперва надо управиться с Гемишевым, а потом – и с нашей грушей. По-другому нельзя. Хорошо бы каждому написать короткое, сжатое заявление... чтоб было черным по белому. Другое дело когда есть документы. А я их отправлю куда следует.

С ы р о е ж к а. Так давайте напишем.

С м о р о д и н а. А мое поймут? Я ведь напишу по-французски.

В ь ю н о к. Можно, я тебе продиктую, а, Милева? Самому писать некогда, я ведь слежу за событиями и здесь и там.

М и л е в а. Так и быть, услужу: раз речь идет о морали, о пользе общества, я готова помочь всем.

П у г а л о. А может, ты напишешь от имени всех, а мы бы приложили пальцы?

М и л е в а. Лучше иметь больше заявлений. Понимаешь?.. Не кто-то один, а группа возмущенных граждан, общественность... И давайте разойдемся – Гемишев идет...

Все расходятся в разные стороны.

6.

Старая груша. Рагацца раскачивается на своей качели.

Р а г а ц ц а. Ну где же Светлин? Так давно не приходил... Собирался принести меду, и мы бы вместе пошли бродить по свету... Вот уже и хлеба зазолотились, начали осыпаться, воробьи с утра до вечера в полях: запасаются на зиму зерном, а Светлина все нет...

На сцене появляется Осень. На ней передник, испачканный красками. Она несет лестницу-стремянку и две сумы со следами краски. Видно, что Осень чем-то сильно раздражена.

О с е н ь. Черт бы их побрал! Разбойники, воры!.. *(Бросает в сердцах поклажу, встряхивает стремянку, которая распадается, и принимается увязывать ее проволокой.)*

Р а г а ц ц а. Простите, вы вот всюду бываете... Может, видели где-нибудь Светлина? Медвежонка с карими глазами?

О с е н ь. Никого не желаю видеть. Без того мне белый свет не мил.

Р а г а ц ц а. А почему? Вы кто?

О с е н ь. Кто, кто! Осень я, не видишь разве?!

Р а г а ц ц а. Осень! Так вроде еще лето?!

О с е н ь. Лето, говоришь?! Нет его и в помине, позавчера сама видела, как оно уходит.

Р а г а ц ц а. Значит, пришла осень...

О с е н ь. Пришла, да что толку? Черти бы их побрали!..

Р а г а ц ц а. Кого их?

О с е н ь. Да разве ж я знаю! Знала бы, так... Иду себе лесной дорогой, тащу стремянку, краски, насвистываю осеннюю мелодию, такую себе – немного грустную, немного веселую, а навстречу идут двое. "День добрый!" – "День добрый! – отвечаю я. – Куда путь держите?" Завязался тут у нас разговор, как обычно бывает в дороге под конец лета. И они подустали в пути и я, вот мы и присели на травке возле родника, закусили, поговорили о том о сем, напились студеной водицы и решили, что не мешает вздремнуть в тенечке, где солнечные лучи лишь кое-где пробиваются сквозь листву, и где ни жарко, ни холодно.

Р а г а ц ц а. Что ж – подремали?

О с е н ь. Подремали. А проснулась я, гляжу – тех двоих и след простыл. Да это бы ничего, но они украли мои краски! Мешки лежат пустые!.. Искала я, бегала туда и сюда – они как в воду канули. Только в кустах, у обочины, нашлись три банки с красками – красной, коричневой и желтой, видно, они потеряли в спешке.

М и л е в а (*прокралась тайком*). Что вы говорите! Это же воровство! Причем в нашем районе! Боже, какие бывают люди! Бедный Гемишев!..

О с е н ь (*не обращает на нее внимания*). И теперь у меня всего три краски: красная, желтая и коричневая. Но делать нечего – придется красить.

М и л е в а. Простите за беспокойство. Меня зовут Иванка Милева, я божья коровка. Мерси! У меня к вам большая просьба.

О с е н ь. Какая, в чем дело?

М и л е в а. Мне нужна краска – покрасить пол. Совсем немножко, можно сказать, капельку.

О с е н ь. Нету краски!.. Нету!.. Хватило бы самой!

Милева, обиженная, уходит.

Осень, починив стремянку установила ее под грушей и, взяв сумы с кистями и красками, взобралась на лестницу. Потом развесила сумы на гвоздях, вбитых в стремянку, и принялась за дело, окрашивая листья в светло-коричневый, желтый и оранжевый цвета. Осень красит листья и напевает осеннюю мелодию. Потом спускается на землю, отходит чуть подальше и любит на плоды своих трудов.

О с е н ь. Эй, девушка, а ты должна сменить платье. Это уже не годится.

Р а г а ц ц а. А какое годится?

О с е н ь. Желтое. Или бледно-коричневое. В этом ты не в тон.

Р а г а ц ц а. Другого у меня нет. Только это.

О с е н ь. Ничего. Можно покрасить. Я-то здесь зачем?!

(Разворачивает кусок ткани, напоминающий палитру, всю расцвеченную красками осени: коричневой, оранжевой, красной, бледно-желтой – под цвет ширмы, за которой она красит платье Рагаццы.) Вот так... Еще немного желтой краски, вот сюда. Не вертись – испачкаю, будешь похожа на японку. Еще чуть-чуть... вот так... Ну, теперь полный порядок... *(Убирает ширму.)* Пока, до свидания, мне пора – лес уже заждался. Придется изрядно потрудиться. Понятно? Только бы хватило красок! *(Вскидывает на плечо стремянку и уходит.)*

7.

Дерево, листва которого пылает багрянцем. Рагацца раскачивается на трапедии. На ней платье желтого цвета. Появляется Милева.

М и л е в а. Вот как! Для одних нету ни капли, а других размалевывают с головы до пят. Еще бы: она молодая, аппетитная, сладкая. А мы – старые, страшные – и так перебьемся, от нас требуется одно: работать и помалкивать. Пахать!.. Всю жизнь, не разгибая спины!..

Р а г а ц ц а. Нашлась трудяга!

М и л е в а. А сама?! У тебя одно на уме: сидишь себе наверху да красоту наводишь. Наряды, прически!.. Думаешь, не знаю, для кого?! Ждешь медвежонка, чтобы свалиться ему в лапы. Ты, как вижу, уже поспела. Только очень долго придется ждать! Твой медвежонок занят другими грушами. Там, за холмами. Как с ними управится, может, и к тебе зайвится. В чем я очень сомневаюсь. Ты-то уже будешь переспелая!..

Р а г а ц ц а. Другими грушами?!

М и л е в а. А ты что думаешь? Ты – единственная?... Неповторимая?..
Только ты и он в целом мире?!.. Ха-ха-ха!.. Сколько груш прошло
через его руки!
Р а г а ц ц а. Ты лжешь!
С м о р о д и н а (*появляется*). Может, она и лжет, но Ги де Мопассан –
никогда! В доброй половине его рассказов описаны подобные измены.
Р а г а ц ц а. Ха! Ги де Мопассан!..
С м о р о д и н а. Литература есть отражение жизни. Этому еще в пятом
классе учат!
В ь ю н о к (*появляется*). День добрый, день добрый! Привет вам всем
от Светлина. Больше он ничего не сказал – развлекался с какой-то
грушей. Довольно аппетитной и, между нами говоря, такой
пухленькой... Потом исчезли в зарослях... Ох, только бы не услышала
Рагацца... (*Делает вид, будто не видит Рагаццы.*)
Р а г а ц ц а. Неправда, он не такой!
М и л е в а. По-твоему, он – Ромео? Ха-ха-ха!..
В ь ю н о к. А, Рагацца! Оказывается, ты здесь? Не верь, Рагацца, это
вранье!
П у г а л о (*входит*). Он об эти груши зубы переломает, хрупает так,
что... Ведь у него половина зубов с пломбами!
Р а г а ц ц а. Я вам не верю!
М и л е в а. Правильно! Нужно верить дружбе, честному слову, огоньку
в глазах! А не то – висеть тебе на этой ветке пока вконец не
размякнешь!
С ы р о е ж к а (*появляется*). Верить можно только своей шляпе!
Больше ничему!
П у г а л о. Я пересчитал его пломбы – их двадцать семь!
С м о р о д и н а. Да, от долгого раскачивания зубы портятся!
В ь ю н о к. А ведь мы говорили, учили, наставляли... Но разве он
послушает!..
С ы р о е ж к а. Они, молодые, нынче рождаются с заткнутыми ушами!
М и л е в а. Мы такие-сякие, мы – лицемеры, плохие... Но мы хотя бы
ничего тебе не обещали!
Р а г а ц ц а. Я вам не верю!
М и л е в а. Верить или не верить, но Светлина – и след простыл!..
(*Вскрикивает.*) Гемишев!

Все быстро исчезают.

Р а г а ц ц а (*осталась в одиночестве*). Да, его нет... А может, правда... (*Задумывается.*)

Г е м и ш е в (*появляется*). Эй, Рагацца, ты чего сидишь как в воду опущенная?.. О чем замечталась?

Р а г а ц ц а. Да вот, думаю.

Г е м и ш е в. Сдается мне, ты малость пала духом. Эй!

Р а г а ц ц а. Вовсе нет!

Г е м и ш е в. Хуже этого не бывает. У меня был друг – Данчо Шизик. Очень толстый снеговик. И очень слабохарактерный. Все время падал духом. И плохо кончил.

Р а г а ц ц а. Я не слабохарактерная!

Г е м и ш е в. Знаю. Но все же не падай духом. Что бы ни случилось. На меня вот подали жалобу, понаписали всяких мерзостей, но я плевать хотел. Хотя... попадись они мне, я им устрою... мало не покажется!..

Гражданам, возмущенной общественности!

Р а г а ц ц а. Гемишев, почему не идет Светлин?..

Г е м и ш е в. Один мой знакомый – он работает лесничим – рассказывал мне, что на его участке какой-то медведь ведет беспощадную войну с пчелами... Ни эта сторона не берет верх, ни та...

Рев, жужжание... Может, это и есть твой Светлин?..

Р а г а ц ц а. Правда?

Г е м и ш е в. Разумеется!

Р а г а ц ц а. Я знала, знала! Светлин не такой!..

Г е м и ш е в. Слушайся своего сердца, Рагацца. Ну, я пошел, дел у меня сейчас по горло... Эта пропажа красок у Осени... Расследование продвигается трудно... (*Уходит.*)

Р а г а ц ц а. Пломбы, видите ли... Скажут тоже!

С м о р о д и н а (*появляется*). Что значит болгарская порода! Взять хотя бы тебя: сидишь смиренно, как овечка, и ждешь. А чего ждать? Он где-то там охальничает, про тебя и думать забыл, а ты сидишь, вздыхаешь! Во Франции ему бы давно в глаза сказали, что он мерзавец, и отправились бы в Сан-Тропе!

М и л е в а (*тоже появляется*). Скажешь в глаза, когда его и след простыл. Кричи, сколько хочешь: "Мерзавец!" Толку-то!..

С ы р о е ж к а. Вот она – теперешняя молодежь! Пришел, запудрил мозги и – поминай как звали.

В ь ю н о к. А почему бы ему и не пудрить мозги? Груш кругом – пруд пруди. Чем плохо: сегодня одна, завтра другая, после завтра – третья... Ничего не стоит вернуть пару витиеватых фраз, показать, какой ты накачанный, а там – и пошло, и пошло...

М и л е в а. В этом виноваты и те, кто поощряет подобное разложение нравов. Слыханное ли дело – сбивать с пути такие юные существа!..

П у г а л о. Хочешь сказать – Гемишев? Он же вроде следит за порядком! Ну, ничего! Мы его хорошо подкузьмили!

М и л е в а. Не называй имен, хозяин. Гемишев – наш добрый друг, мы все его очень любим. Напоследок нам его не хватает, мы даже соскучились по нему... Но у него дела, дела не ждут, слишком много происшествий свалилось на его голову: история с красками, это воровство...

П у г а л о. Постой, Милева, мы ведь на него написали...

М и л е в а (*прерывает его*). Да, написали. Мы осудили воровство и правильно сделали. Был бы здесь Светлин, он бы помог скорее поймать воров. Но он оказался слабым по женской части и занят другими делами. А какая груша его здесь дожидается, уж такая красавица, такая душенька!

Р а г а ц ц а (*которой надоело слушать*). А вот и Гемишев! Эй, Гемишев!..

Все в панике разбегаются. Рагацца хохочет им вослед, довольная выкинутой шуткой. Гаснет свет.

8.

Солнце светит по-осеннему. Рагацца сидит задумчивая, опечаленная: прошло много времени, а Светлина все нет.

Р а г а ц ц а. А его все нет. Уж столько времени прошло... Значит... (*Молчание.*) Ну да ладно! Не стоит падать духом из-за какого-то лгуна. Подумаешь, свет в окошке – Светлин! И без него обойдусь! Отправлюсь путешествовать. Чтоб не видеть ни Вьюнка, ни Смородины, ни Иванки Милевой! Сейчас спрыгну!.. (*Спрыгивает с дерева и убегает.*)

Из-за сцены доносится шум, крики, на сцене появляется Рагацца, с другой стороны к ней подбегает Сыроежка. Без шляпы.

С ы р о е ж к а. Помогите! У меня украли шляпу! Гемишев!.. Впрочем, нет. Мы ведь на него настрочили жалобу... Верни шляпу!

Р а г а ц ц а. Какую еще шляпу?

С ы р о е ж к а. Ты ее взяла!

Р а г а ц ц а. Нет!

С ы р о е ж к а. Я стояла под деревом, чтобы шпион... то есть наблюдать за тобой, а ты как спрыгнешь, как меня толкнешь, и моя шляпа исчезла. Верни ее! Без шляпы я как без рук.
Р а г а ц ц а. Знаю. Но не знаю, где она.
С ы р о е ж к а. Она – моя жизнь, отдай мне ее. Без нее я как без рук.
Р а г а ц ц а. Да зачем она мне? Я ни перед кем не снимаю шляпы.
С ы р о е ж к а. А я снимаю. И теперь я пропала!.. Пропала!..
Р а г а ц ц а. Да ты не падай духом, попробуй обходиться без шляпы! Знаешь, как это здорово!..
С ы р о е ж к а. Знаю я, как здорово! Головные боли замучают!.. И неприятности! (*Уходит, еле передвигая ноги.*)
Р а г а ц ц а. Все! Она пала духом! Вот-вот совсем свалится!.. Ну, мне пора!

Свет гаснет, звучит музыка. Песня.

9.

Рагацца прыгает на Шоссейную Дорогу.

Ш о с с е й н а я д о р о г а. Ох!.. М-м-м!.. (*Охает.*)
Р а г а ц ц а. Я не должна была так прыгать, простите меня. Вам очень больно?
Ш о с с е й н а я д о р о г а. Ничуть не больно, я даже не почувствовала. Я выдерживаю миллионы тонн грузов, а в тебе меньше килограмма.
Р а г а ц ц а. А вы кто?
Ш о с с е й н а я д о р о г а. Я Шоссейная Дорога. У меня болит спина, потому и охаю. Недавно по мне проехал трактор, всю кожу на спине ободрал.
Р а г а ц ц а. Очень больно?
Ш о с с е й н а я д о р о г а. Да был бы только один этот трактор. А то ведь – самые разные грузовые и легковые автомобили, танки и какая угодно техника... Все двигаются по моей спине... И я выдерживаю.
Р а г а ц ц а. А не тяжело?
Ш о с с е й н а я д о р о г а. Не легко. Кому хочется легкой жизни, тот не становится шоссе. Выбирает другой удел. А ты что – собралась путешествовать?
Р а г а ц ц а. Да.
Ш о с с е й н а я д о р о г а. Одна?
Р а г а ц ц а. А почему бы и нет? Одной даже лучше!..

Шоссе́йна́я доро́га. Лучше путешествовать с другом. Веселее...
Рага́цца. Обойдусь и без друга! Пока, до свидания!
Шоссе́йна́я доро́га. Счастливого пути!..

Рага́цца идет по шоссе. Слышится музыка, звучит попутная песенка... Музыка смолкает. Рага́цца появляется в другом конце сцены (создается иллюзия пройденного пути)... Она еле бредет... останавливается.

Рага́цца. Ох! М-м-м! (*Охает, как перед этим охала Шоссе́йна́я Доро́га.*)

Шоссе́йна́я доро́га (*появляется*). Что, устала? (*Устраивается рядом.*)

Рага́цца. А, это опять ты? Что ты здесь делаешь?

Шоссе́йна́я доро́га. Я протянулась на много-много километров. Ну а ты как? Что, плохи дела?

Рага́цца. Холодно. И скучно одной, не с кем словом перекинуться. Машины проносятся мимо, и ни одна не остановилась, никто не предложил подвезти. А уже темнеет. Страшно.

Шоссе́йна́я доро́га. Так бывает, когда рядом нет друга. Я ведь тебе говорила.

Рага́цца. У меня был друг. Но он меня предал.

Шоссе́йна́я доро́га. Значит, он не друг.

Рага́цца. Снимал звезды с неба, а потом ушел и пропал.

Шоссе́йна́я доро́га. А ты ждала его?

Рага́цца. Больше не могла ждать. У меня тоже есть гордость!

Шоссе́йна́я доро́га. Ничего. Главное – не падать духом. Ты еще в начале пути.

Рага́цца. А где конец?

Шоссе́йна́я доро́га. Этого не знаю и я. Знаю до одного места, а дальше тянется мой брат, а еще дальше – сестра.

Рага́цца. Что касается падения, то я не упаду, только ...

Шоссе́йна́я доро́га. Ничего. Я побуду с тобой. Для храбрости.

Рага́цца. Тебе легко. Ты вон какая большая ...

Шоссе́йна́я доро́га. Сперва я была маленькой тропинкой, шириной в две пяди. Чтобы могли пробегать белки. И мои братья и сестры тоже были крохотными тропиночками: от сосны к сосне, от куста к кусту, от полянки к полянке, – словно нити паутины...

Рага́цца. А потом?

Шоссе́йна́я доро́га. Мы спешили. Мы торопились стать большими и разбежались кто куда. Поблизости пролегал старая

римская дорога, густо обросшая травой и кустарником, ее плиты потрескались от времени и были почти не заметны. "Не спешите, – говорила нам она, – малы вы или велики – это не важно, важно приносить пользу, не зарости травой, как я, чтобы вас не забыли!" Только мы ее не слушали!

Р а г а ц ц а. И все разбежались?

Ш о с с е й н а я д о р о г а. Большинство. Одни – в одну сторону, другие – в другую. Распрощались друг с другом. А я осталась.

Р а г а ц ц а. Возле старой римской дороги?

Ш о с с е й н а я д о р о г а. Да, и она меня поучала. "Я много всего повидала, – говорила она. – Сколько народу по мне прошло, сколько лошадей и верблюдов! Императоров и нищих, воинов и мирных поселян, поэтов и разбойников. Сколько карет и простых телег проехало, сколько прошло слепых и зрячих... Некоторые отправлялись в путь молодыми, а возвращались дряхлыми, едва передвигая ноги, другие трогались в путь бедными, а возвращались с караванами верблюдов... Сколько слез я повидала и сколько горя, сколько крови на мне пролилось и сколько несправедливостей совершилось"...

Р а г а ц ц а. И она все вытерпела?

Ш о с с е й н а я д о р о г а. Я тоже задала этот вопрос. "Я страдала, – ответила она, – но дороге суждено страдать и терпеть, ведь для человека нет ничего важнее движения, важнее дороги, устремленности, надежды... Без нас, дорог, человек состарится, не сдвинувшись с места, и ничего другого в жизни не увидит, и все зарастет травой забвения – сам человек и весь свет".

Р а г а ц ц а. А что случилось с остальными?

Ш о с с е й н а я д о р о г а. Многие затерялись, заросли травой, исчезли. А я вот стала шоссейной дорогой. У меня есть еще двоюродные братья – они живут в лесах. А есть сестра – широкая магистраль, что ведет к морю.

Р а г а ц ц а. Я немного посижу здесь, передохну.

Ш о с с е й н а я д о р о г а. Только не останавливайся! Помни: движение – превыше всего. И не падай духом! Вначале бывает страшновато, но ты не падай духом. Устоишь – дальше будет легко... Ну пока, до свидания!

Ну пока, до свидания!

Р а г а ц ц а (*кричит вослед*). До свидания! Спасибо!..

Гаснет свет.

10.

Вновь загорается свет, мы видим Рагаццу на том же месте, вконец приунывшую.

Р а г а ц ц а. Мне холодно... И куда только меня понесло?.. Может, вернуться?.. Стоп, кажется, я падаю духом! А ну, подтянись! Соберись и иди дальше!.. Вперед, только вперед – через эти леса, по этой длинной дороге... в одиночестве... Нет, пожалуй, я пойду обратно! А!..

Рагацца не верит своим глазам. Перед ней стоит Светлин, весь забинтованный, с запухшими глазами и распухшим носом. Он держит горшочек с медом и молча смотрит на Рагаццу с любовью.

Светлин! Светлин! (*Бросается к нему в объятия.*) Где ты был? Зачем связался с пчелами?

С в е т л и н (*находясь в ее объятиях*). Они меня не подпускали...

Пришлось драться...

Р а г а ц ц а (*отпускает его*). Э-э-эх, Светлин! Как здорово! Пошли?

С в е т л и н. Вот мед, возьми.

Р а г а ц ц а (*берет горшочек с медом и целует Светлина в распухший нос*). Ну же, идем!

Они взялись за руки и, посмотрев друг другу в глаза, зашагали по широкой дороге. Звучит дорожная песня, песня людей, которые отправились в путь вдвоем и непременно дойдут до цели. Светлин и Рагацца медленно исчезают из вида. И только песня продолжает звучать над дорогой, которая простирается перед зрителями.

Занавес